

УДК 821.161.1.09 Ахматова А. А.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-79-88

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «ВЕЧЕР» А. А. АХМАТОВОЙ

Хомяков С. А.

*Московский государственный медико-стоматологический университет
имени А. И. Евдокимова
119017, г. Москва, Старомонетный переулок, д. 5, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественного времени в первом поэтическом сборнике «Вечер» А. А. Ахматовой. Приведена типология форм времени, использованных поэтом в сборнике. Сопоставительно-системный анализ позволил прийти к выводу, что время является главным вектором в хронотопе «Вечера», при этом А. А. Ахматова отдаёт предпочтение онейрическому и биологическому времени, практически не обращаясь к формам физического времени, что соотносится с названием сборника. Также при анализе акцент сделан на временной семантике, выделен ряд предметов, обладающих соответствующим значением. Установлено, что «Вечер», в отличие от поздних сборников, не изобилует огромным количеством форм времени, однако поэтом намечены тенденции к развитию данной категории. Данная работа представляет значимость в рамках художественной темпорологии и «ахматовского текста». Адресатом статьи являются ахматоведы и учёные, сфера интересов которых – литературный процесс начала XX века и творчество акмеистов.

Ключевые слова: Ахматова, сборник «Вечер», время, «Поэма без героя», «Реквием».

THE SPECIFICITY OF THE ARTISTIC TIME OF THE POETRY COLLECTION “EVENINGS” BY A. AKHMATOVA

S. Khomyakov

*A. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry
5, Staromonetny pereulok, Moscow, 119017, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of artistic time in the first poetic collection “Evening” by A. Akhmatova. The typology of forms of time used by the poet in the collection is carried out. Comparative systemic analysis allowed us to conclude that time is the main vector in the chronotope, “in the Evening”, with A. Akhmatova prefers varicella and biological time, practically without referring to the physical time that corresponds with the title of the book. Also, the analysis focuses on the temporal semantics, highlighted a number of items that have the appropriate meaning. It is established that the “Evening”, unlike later collections, is not replete with a huge number of forms of time, but the poet outlined trends in the development of this category. This work is important as part of the art of the temporology and “Akhmatova’s text”.

The addressee of the article are scholars and scientists area of interest of which is the beginning of the twentieth century and the work of the acmeists.

Keywords: Akhmatova, poetry collection “Evenings”, time, “Poem without a hero”, “Requiem”.

Во время публикации первого сборника стихов Ахматовой её индивидуальные черты стиля и поэтики были отмечены М. А. Кузминым, написавшим предисловие к «Вечеру» и подчеркнувшим умение Ахматовой «понимать и любить вещи именно в их непонятной связи с переживаемыми минутами» [11, с. 163]. Автор предисловия указывает на временную семантику, которой обладает и описываемый подробно, и просто изображённый, незначимый объект. Именно благодаря темпоральному значению предметы, расположенные в пространстве, начинают вступать во внутренние семантические связи, образуя огромный фон, картину, которая заполняет пространство стихотворения, в котором эмоциональная составляющая произведения становится не главной, а дополнительной [17, с. 181]. Иными словами, время остаётся координатой стихотворения, а художественные детали и предметы, моделируя собственное пространство [1, с. 59–61], позволяют лирике – наиболее свободному роду литературы [6] – обращаться не с топосом (значимым для эпического или драматургического произведения), а с художественной реальностью [12], порой совершенно непредсказуемой и необычной.

Стихотворение «Любовь», открывающее «Вечер», гармонично коррелирует с названием сборника: любовное чувство представлено как состояние, похожее на сон или дремоту. Однако любовь в то же время противопостав-

ляется указанным состояниям как на уровне цвета («То целые дни голубком / На белом окошке воркует / То в иное ярком блеснёт, / Почудится в дреме левкоя» (с. 7¹; курсив наш. – С. Х.), символизирующего чистоту, так и образа границы («окошко»), разделяющей внешнее и внутреннее пространство. Звуковая символика, переданная при помощи метафоры «тоскующая скрипка» (с. 7), позволяет первому и четвёртому стихотворениям в сборнике предстать единым целым, когда первое произведение («Любовь») описывает состояние, которое «ведёт от радости и от покоя» (с. 7), что противоречит состоянию сна, до «седого и грустного» (с. 9) состояния. Время – настоящее, использованное в первом стихотворении, – сменяется на прошедшее; воспоминательный тон второго стихотворения диктует отказ от светлых красок при изображении событийного ряда из-за временной дистанции: «Был светел ты, взятый ею / И пивший её отравы» (с. 10). Или в стихотворении «Сжала руки...»: «... я терпкой печалью / напоила его допьяна» (с. 10), а также: «Как соломинкой, пьёшь мою душу. Знаю, вкус её горек и хмелен...» (с. 14) и «В сердце тёмный душный хмель» (с. 20). Устойчивая метафорическая формула (любовь – отравы – синонимично опьянению) отсылает к стихотворению «Благодарность» (1840)

¹ Здесь и далее цитаты из сборника «Вечер» (Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 2000. С. 6–38).

Лермонтова: в этом произведении повествуется о страданиях, вызванных невозможностью быть счастливым («отрава поцелуя», «тайные мучения страстей», «жар души»¹) и впоследствии воплотится в «Части первой» «Поэмы без героя», где строка («вино как отрава жжёт»²), заимствованная из «Новогодней баллады», предстаёт устойчивым символом любви и страдания (ср. в «Незнакомке» (1906) Блока: «истина в вине»³). Временная семантика усиливается образом травы («осенние травы»), ассоциирующейся с определённой стадийностью циклического времени.

Мотивы наивности, доверчивости и неопытности присутствуют в стихотворении «И мальчик», рядом с образом которого появляется «и девочка», плетущая «венки» (с. 9) – символ верности и любви. Судьба представлена при помощи иносказания («И две в лесу скрестившиеся тропинки, / и в дальнем поле дальний огонёк»), что позволяет лирической героине, ставшей свидетельницей и пообещавшей «всё запомнить» (с. 9), изменить пространственную точку зрения и перейти к непосредственному повествованию от первого лица.

Мотив непредсказуемой судьбы как силы, от которой зависят жизни «и мальчика», «и девочки» (с. 9), бежавшей «за ним до ворот» (с. 10), присутствует в двух последующих стихотворениях – поэтом указано на биологические

циклы природы, а следовательно, на продолжительность страданий лирической героини: «Осенние травы» (с. 10) и «Зима» (с. 11), когда метафора «память о солнце в сердце слабеет» сменяется «тьмой» – аллегорией одиночества, безграничного и бескрайнего, что усиливается словосочетанием «на небе пустом» (с. 11) и названием следующего стихотворения «Высоко в небе».

Зимняя семантика и сопряжённый с нею белый цвет присутствует в творчестве Ахматовой как устоявшаяся доминанта: стихотворение «Память о солнце» указывает на быстрый приход зимы, а тема несостоявшейся встречи и невозможности развития отношений («Может быть, лучше, что я не стала / Вашей женой» (с. 11)) отсылают к творчеству Пушкина и к его стихотворению «Зимняя дорога» (1826), в котором время, представленное с помощью часовой стрелки, указывающей цикличность и необратимость человеческого бытия, начинает «звучать» сильнее колокольчиков тройки. Зима у Ахматовой и Пушкина считается временем испытаний, переломных моментов в жизни героев (например, «Метель», «Капитанская дочка» и т. д.). Кроме того, пушкинский текст присутствует в виде косвенных отсылок к «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях», написанной в 1833 г. в Болдино: «Я её нечаянно прижала, / И, казалось, умерла она, / Но конец отравленного жала, / Был острее веретена» (с. 15). Однако если вспомнить пушкинский образ отчаявшегося жениха Елисея, обращающегося к солнцу, ветру и месяцу (луне), которые можно трактовать как типичные фольклорные составляющие, то в сборнике «Вечер», содержащем ряд любовных

¹ Благодарность // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1969. С. 311.

² Поэма без героя // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 171.

³ Незнакомка // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.–Л.: Художественная литература, 1962. С. 185.

историй, есть не только образ веретена и мотив смерти, но и «солнце», и «ветер» (с. 12). Невозможность встречи, усиленная при помощи приёма контраста, тёмных и светлых оттенков и символа свечи (временное и эсхатологическое значение), была определена Ахматовой уже в первом сборнике: «Это песня последней встречи. / Я взглянула на тёмный дом. / Только в спальне горели свечи / Равнодушно-жёлтым огнём» (с. 13). При использовании свечи как символа, сопряжённого с памятью, Ахматова обращается к закрытым пространствам («спальня» (с. 13), «гостиная» (с. 18), «лампадку внутри зажжём» (с. 35)).

Единственное стихотворение сборника, имеющее непосредственного адресата, – это «Обман». Оно обращено к «кузине Марии Александровне Змунчилла» [19, с. 84], к которой Ахматова относилась с трепетом и любовью и в чьей квартире жила в 1912 г., ожидая рождения ребёнка [19, с. 85]. Адресат стихотворения интересен в биографическом контексте: Андрей Андреевич Горенко и Мария Александровна Змунчилла, потеряв ребёнка, решили свести счёты с жизнью [10, с. 34]. Таким образом, фабула «Части первой» «Поэмы без героя» может быть связана и с их именами. Кроме того, указанный сюжет может быть близок «Реквиему» и «Решке»: ребёнок является главной ценностью в жизни. В стихотворении «Обман» Ахматова обращается к семейной тематике («Тетрадь в обложке мягкого сафьяна, / Читаю в ней элегии и стансы, / Написанные бабушке моей» (с. 16)) и упоминает некоторые биографические подробности – согласие на брак с Н. С. Гумилёвым [19, с. 86]

(25 апреля 1910 г.), который ранее, в 1907 г., предпринимал попытки самоубийства из-за отказов Ахматовой стать его женой [18, с. 48–50].

Два стихотворения – «Мне с тобою пьяным...» и «Муж хлестал меня узорчатым...» – могут быть соотнесены со стихотворением «Обман» благодаря использованию лексических связей («обман» – «в страну обманную» (с. 19)) и специальному указанию на время года – *осень*. Удивительным предстаёт синтаксис четвёртой части «Обмана»: во-первых, это единственное стихотворение сборнике «Вечер», где Ахматова использует не только *два* восклицательных предложения со значением побуждения к действию, но и два императива, не указывающие на состояние лирической героини: «Листьям последним шуршать! / Мыслям последним томиться!» (с. 18). Примечательно, что в других стихотворениях этого сборника восклицательные предложения в основном присутствуют во второй строке (ср.: «Песня последней встречи», «Я сошла с ума...», «Мне больше ног моих не надо...», «Сердце к сердцу», «Я пришла сюда», «Белой ночью», «Алиса», «Подражание И. Ф. Анненскому»), даже в «Поэме без героя» [16, с. 62] мы не наблюдаем такого при изображении самых напряжённых моментов.

В первом поэтическом сборнике Ахматовой ещё не прослеживается тенденция к отказу от личного местоимения «я» в пользу масштабных картин эпохи [4], ещё нет разграничения лирической героини и собственно Ахматовой, как это будет в поздней лирике и «Поэме без героя» [3]: «Я же роль рокового хора / На себя готова

принять»¹, – для того чтобы писать «о времени и о себе», нужно стать частью эпохи, накопить жизненный и творческий опыт [5]. В «Вечере» Ахматова так пишет о самой себе: «Я пришла сюда, *бездельница*»; в «Реквиеме»: «Показать бы тебе, *насмешнице* <...>, / Что случилось с жизнью твоей»²; в «Поэме без героя»: «И выглядывал вновь из *мрака* / *Старый* питерщик и гуляка!»³ (курсив наш. – С. Х.) Образ этого «гуляки» становится символом, характеризующим эпоху и время, он исчезнет с приходом нового «Настоящего Двадцатого Века»⁴, у Блока таким символом уходящего – тёмного – столетия был «безродный, паршивый пёс»⁵.

Ряд стихотворений, которые расположены в «Вечере» не рядом, могут быть прочитаны как протяжённый фольклорный *текст* или цикл [7], составные части которого можно описать на основании наличия в них песенного или сказочного начала. Совершенно иной сюжет предстаёт в стихотворении «Рыбак»: Ахматова, меняя пространственную точку зрения и акцентируя внимание на *цикличности* и *бесконечности* времени, описывает страдания (метонимически) не лирической героини, а рыбачки – «потерянной» и влюблённой «девочки», «бродя-

щей вечерами на мысу» («Все сильнее биенье крови / В теле, раненном тоской») (с. 31).

В стихотворении «Я пришла сюда...» присутствует фольклорный образ «мёртвой русалки», при этом «пруд обмелел» (с. 15), что контрастирует со стихотворением «Мне больше ног моих не надо». Если объединить эти два стихотворения, то первое будет насыщено романтическими идеалами, а второе – переполнено элегическими размышлениями о бренности человеческого бытия. Синтезируя различные жанры, нарушая их границы и в то же время используя устаревшую лексику и песенные мотивы (повторы слов: «У пруда русалку кликаю, / А русалка умерла»; «Я молчу. Молчу...») (с. 21–22)), Ахматова воссоздаёт *фольклорное, застывшее время*, что усиливается цветовой символикой («Лёгкий месяц заблестел» (с. 22)). Ранее лирическая героиня хотела «поменять» ноги на хвост, теперь же – «снова стать» (с. 22) землёй.

В стихотворении «Белой ночью», когда лирическая героиня «не зажигала свеч», мотив темноты и скорой смерти становится основным и дополняется похоронной символикой: «В закатном мраке хвой» (ср. в «Поэме без героя»: «И ветерком повеяло родным... / Не море ли? / Нет, это только хвоя / Могильная...») (с. 167)). В стихотворении «Хорони меня, ветер!», в первой строке которого использование повелительного наклонения усиливает траурность обстановки, лирическая героиня, продолжая обращаться к мотивам тишины и одиночества, заявленным в «Я пришла сюда...», встаёт на иную пространственную точку зрения [2, с. 43–44], обращаясь к ветру –

¹ Поэма без героя // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 182.

² Реквием // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 24.

³ Поэма без героя // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 185.

⁴ «Поэма без героя» // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 186.

⁵ Двенадцать // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.–Л.: Художественная литература, 1962. С. 355.

временному символу – и наблюдая за «трупом холодным» (с. 23), – чёрный цвет становится здесь доминирующим: «Закрой эту чёрную рану / Покровом *вечерней тьмы* / И велиголубому туману / Надо мною читать псалмы» (с. 23; курсив наш. – С. Х.). Ветер должен пропеть «про весну», чтобы героине было «легко отойти к последнему сну» (с. 23). Состояние сна позволяет героине нарушать пространственные законы. Эти три стихотворения: «Я пришла сюда», «Белой ночью» и «Хорони меня, ветер...» – передают *вертикальное перемещение* (сверху вниз) лирической героини, что дополняется постепенным использованием цветов от светлого к тёмному.

Смешение нескольких пространственно-временных точек зрения находит место в стихотворении «Похороны», в котором во время поиска «места для могилы» («поле», «море» (с. 23)) происходит «раздвоение» лирической героини и появление нарратора – характерная черта поздней Ахматовой. Тема двойника, заглядывающего из внешнего пространства и предвещающего беду, появляется в стихотворении «Сад»: «И солнца бледный тусклый лик – Лишь круглое окно, / Я тайно знаю, чей двойник / Приник к нему давно. / Здесь мой покой навеки взят / Предчувствием беды...» (с. 36), – поэтому логичным стихотворением, завершающим сборник «Вечер», является «Три раза», в котором тема *лжи и обмана* становится, можно сказать, двойником лирической героини – её тенью. Именно указанные мотивы – лжи и обмана, а также совести и расплаты (возмездия) – станут основными в «Поэме без героя» [8].

Лирическая героиня первого ахматовского сборника, находясь в разных пространственных точках, чаще прибегает к медитативной форме повествования, как бы участвуя непосредственно в разворачивающихся событиях. В связи с этим семантика названия сборника «Вечер» может трактоваться как пограничная. По сути, «Вечер» – это то, что рассказано вечером, когда очертания предметов стираются, а само понятие времени суток трактуется субъективно. Кроме того, пограничная вечерняя семантика дополняется различными цветовыми символами (свеча, приглушённый свет и т. д.). Таким образом, при достаточно чёткой временной организации каждого конкретного стихотворения временная семантика всего сборника размывается [14].

Художественное время поэтического сборника «Вечер» является доминирующей составляющей как в каждом поэтическом сборнике в отдельности, так и во всём «ахматовском тексте». В силу того что лирика как род литературы изображает в первую очередь душевное состояние, переживания лирического героя, то закономерным оказывается *субъективное* восприятие *времени* («час перед закатом» (с. 8), «быстрые недели» (с. 11), «дни томлений острых» (с. 19), «всю жизнь» (с. 23), «на этой земле испытать любовную пытку» (с. 25), «боюсь моих ночей» (с. 26), «за ночь одну» (с. 29), «на работу ночную» (с. 30), «три вещи на свете» (с. 31), «в предсмертной летаргии» (с. 32), «в разлуке» (с. 38), «смертная дрожь» (с. 38)), которое порой тяжело отделимо от *метафорической формы времени* («закатный мрак» (с. 22), «покровом вечерней тьмы» (с. 23), «луч

утра» (с. 27), «последний луч» (с. 29), «перед горьким часом наслажденья» (с. 32), «радости мига» (с. 34)).

Однако Ахматова, оперируя формами *биологического* («осенние травы» (с. 10), «зима» (с. 11), «в марте» (с. 11), «белой вьюгой» (с. 12), «завтра», «утро» (с. 12), «шёпот осенний» (с. 13), «весенним солнцем» (с. 16), «утро» (с. 16), «синий вечер» (с. 17), «осенний снежок» (с. 18), «днём» (с. 18), «осень ранняя» (с. 18), «на солнечном восходе» (с. 19), «про весну» (с. 24), «весенний подарок» (с. 25), «до зари» (с. 25), «луна освещает» (с. 27), «вечер осенний» (с. 29), «весна» (с. 31), «белой зимой» (с. 31), «весна» (с. 31)), *бытового* («вчера» (с. 14), «завтра по первопутку» (с. 18), «всю ночь» (с. 19), «рассветает» (с. 19), «за ужином» (с. 26), «за вечерней пенью» (с. 31), «сегодня» (с. 31), «сегодня» (с. 33), «завтра» (с. 33)) и *физического* («в январе» (с. 12), «в среду» (с. 14), «в три часа» (с. 14), «три недели» (с. 16)) времени, воссоздаёт не только мир переживаний лирической героини («жизнь прекрасна» (с. 12), «песня последней встречи» (с. 13)), но и событийный ряд, расположенный и организованный в определённой пространственно-временной последовательности.

В сборнике «Вечер» практически не представлены формы *циклического* («вечерами» (с. 30)) и *эсхатологического* («в канун Крещенья» (с. 12), «смерть придёт целовать» (с. 19)) времени.

Самостоятельную группу темпоральной категории составляют формы времени, которые чаще всего нарушают течение физического времени и логику временных законов: *фольклорное* («острей веретена» (с. 14), «сказки заметок» (с. 29), «кукушка в часах»

(с. 35)), *литературное* («Парни» (с. 9), «элегии и стансы» (с. 16), «в твоих рассказах» (с. 18), «Пьеретта» (с. 26)), чаще всего выражающиеся в названиях и отсылке к какому-то сюжету или произведению. *Онейрическое* время («в дрёме» (с. 7), «в предсмертном бреду» (с. 8), «сны» (с. 17), «к последнему сну» (с. 24), «только ложью живу на земле» (с. 24), «сон безмятежен и мирен» (с. 24), «о своём весеннем сне» (с. 26), «во сне» (с. 29), «ничего не снится мне» (с. 32), «привыкла к покою» (с. 35), «к немому сну» (с. 36), «во сне» (с. 37)) и *время «вечности»* («целые дни» (с. 7), «столетие» (с. 8), «бессмертны души» (с. 12), «тогда» (с. 13), «злой судьбой» (с. 13), «счастья безмятежного» (с. 19), «молчать годы» (с. 21)) занимает в сборнике особое место и будет усложнено и отчасти переработано в следующих двух поэтических книгах Ахматовой [17, с. 182].

Пытаясь построить типологию темпоральных форм, мы считаем необходимым выделить косвенное указание на время посредством *предметов*, обладающих следующей *семантикой*: «кольцо» (с. 15), «рожок» (с. 18), «на несмятую постель» (с. 19), «лёгкий месяц заблестел» (с. 22), «не встретим на пути удачу» (с. 23), «пусты дорожные котомки» (с. 23), «золотое кольцо» (с. 25), «цветок маргаритку» (с. 24), «цветные фонари» (с. 28), «у старого дуба» (с. 29), «загар» (с. 30).

С. Ф. Насрулаева, говоря о специфике художественного времени «Вечера» Ахматовой, выделяет не только мифологическое время как главную часть хронотопа, связанную с идеей сна, болезни и пересечением границы, но и анализирует грамматические категории времени: «...стихи “Предвечерия”

преимущественно содержат глаголы настоящего времени; в большинстве стихов I и II разделов, рассказывающих о царстве любви / смерти, действие происходит в прошедшем времени, а в III разделе <...> количество стихов с прошедшим и настоящим временем примерно равное (9:10), причём в последнем стихотворении 4 начальные строки-воспоминания стоят в прошед-

шем времени, а последние 8 – в настоящем» [13, с. 11]. Мы принимаем эти суждения, однако стоит добавить, что формы биологического, онейрического времени имеют большее значение, если рассматривать сборник «Вечер» как часть «ахматовского текста» [9; 15] и если соотносить количество или разнообразие темпоральных форм с последующими сборниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асоян Ю. А. Русская теория художественных пространств Николая Тарабукина: 1920-е гг. // Вестник РГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 9 (30). С. 82–97.
2. Асоян Ю. А. Теория художественных пространств В. А. Фаворского и П. А. Флоренского (1920-е годы) // Культурология. 2014. № 1 (68). С. 42–66.
3. Бурдина С. В. Гумилёвские подтексты в поэмах А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 1. С. 79–87.
4. Бурдина С. В. Мотив возвращения домой в поэзии Ахматовой 1940-го года // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1(25). С. 112–120.
5. Волков С. История культуры Санкт-Петербурга. М.: «Litres», 2008. 528 с.
6. Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М.: Территория будущего, 2015. 296 с.
7. Кихней Л. Г., Меркель В. В. Ранняя лирика Анны Ахматовой как квазированная структура (размышления по поводу одной Эйхенбаумовской рецензии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1 (71). С. 18–21.
8. Кихней Л. Г., Яковлева Л. А. Апокалипсические коллизии и библейские аллюзии в творчестве А. А. Ахматовой конца 1910-х – начала 1920 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2014. № 1. С. 47–52.
9. Клинг О. А. Александр Блок: Структура «романа в стихах». Поэма «Двенадцать»; 2-е изд. М.: Издательство МГУ, 2000. 111 с.
10. Кричевская Е. А. «Пришли и сказали: “Умер твой брат”...» // Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 7. Симферополь: Крымский архив, 2009. С. 31–36.
11. Кузмин М. Предисловие к книге А. Ахматовой «Вечер» // Кузмин М. Проза. Том 10. Критическая проза. Книга 1 / под ред. В. Маркова, А. Тимофеева, Ж. Шерона. Мюнхен: Berkeley, 1984. С. 146–158.
12. Молчанов О. Б. Проблема времени в современной науке. М.: Наука, 1990. 136 с.
13. Насрулаева С. Ф. Хронотоп в ранней лирике Анны Ахматовой (книги стихов «Вечер» и «Чётки»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997. 23 с.
14. Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
15. Сегал Д. Литература и история: загадки в пространстве и времени // Литература как охранный грамота. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 414–448.
16. Хомяков С. А. Архитектоника рамочного текста (на примере «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой) // Электронный журнал Litera. 2018. № 3. С. 57–68. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_26923.html (дата обращения: 20.01.2019).

17. Хомяков С. А. «Время во времени» в «Поэме без героя» А. А. Ахматовой // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 8. С. 179–183.
18. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Индрик, 2008. 768 с.
19. Черных В. Я. О родственных связях семей Змунчилла и Горенко // Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 8. Симферополь: Крымский архив, 2010. С. 79–92.

REFERENCES

1. Asoyan Yu. A. [The Theory of Nikolay Tarabukin's Artistic Spaces (the 1920s)]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2017, no. 9 (30), pp. 82–97.
2. Asoyan Yu. A. [The theory of literary spaces V. Favorsky and P. Florensky (1920-ies)]. In: *Kul'turologiya* [Culturology], 2014, no. 1 (68), pp. 42–66.
3. Burdina S. V. [Implications of Gumilev's works in poetry by A. Akhmatova]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, no. 1, pp. 79–87.
4. Burdina S. V. [The motive "Coming Back Home" in A. Akhmatova's poetry of 1940]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology], 2014, no. 1(25), pp. 112–120.
5. Volkov S. *Istoriya kul'tury Sankt-Peterburga* [History of culture of Saint-Petersburg]. Moscow, Litres Publ., 2008. 528 p.
6. Iglton T. *Teoriya literatury. Vvedenie* [Theory of literature. Introduction]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2015. 296 p.
7. Kikhnei L. G., Merkel' V. V. [Anna Akhmatova's early lyrics as a quasi-novelistic structure (reflections on one of Eikhenbaumov's reviews)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 5-1 (71), pp. 18–21.
8. Kikhnei L. G., Yakovleva L. A. [Apocalyptic collisions and biblical allusions in the works of A. Akhmatova in the end of the 1910s-the early 1920s]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Bulletin of Tver State University: Series Philology], 2014, no. 1, pp. 47–52.
9. Kling O. A. *Aleksandr Blok: Struktura «romana v stikhakh». Poema «Dvenadtsat'»* [Alexander Blok: Structure of the "novel in verse". The poem "Twelve"]. Moscow, Moscow State University Publ., 2000. 111 p.
10. Krichevskaya E. A. ["They came and said, "your brother Died"..."]. In: *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik. Vip. 7* [Anna Akhmatova: Epoch, destiny, creativity: Akhmatov's Crimean scientific collection. Issue 7]. Simferopol, Crimean archive Publ., 2009, pp. 31–36.
11. Kuzmin M. [The Preface to the book of Anna Akhmatova "Evening"]. In: Kuzmin M. *Proza. Tom 10. Kriticheskaya proza. Kniga 1* [Prose. Volume 10. Critical prose. Book 1]. Munchen, Berkeley Publ., 1984. P. 146–158.
12. Molchanov O. B. *Problema vremeni v sovremennoi nauke* [The problem of time in modern science]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 136 p.
13. Nasrulaeva S. F. *Khronotop v rannei lirike Anny Akhmatovoi (knigi stikhov «Večer» i «Chetki»): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The chronotope in early lyrical poetry by Anna Akhmatova (book of poems "Evening" and "Beads"): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1997. 23 p.
14. Panova L. G. «Mir», «prostranstvo», «vremya» v poezii Osipa Mandel'shtama ["World",

- “space”, “time” in the poetry of Osip Mandelstam]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 808 p.
15. Segal D. [Literature and history: riddles in space and time]. In: *Literatura kak okhrannaya gramota* [Literature as a security certificate]. Moscow, Vodolei Publishers, 2006. P. 414–448.
 16. Khomyakov S. A. [Architectonics of the Frame Text (the Analysis of Anna Akhmatova's 'Poem Without a Hero')]. In: *Elektronnyi zhurnal Litera* [Litera: web journal], 2018, no. 3, pp. 57–68. Available at: http://e-notabene.ru/fil/article_26923.html (accessed: 20.01.2019).
 17. Khomyakov S. A. [“Time in time” in “Poem without a hero” by A. Akhmatova]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: actual problems of theory and practice], 2018, no. 8, pp. 179–183.
 18. Chernykh V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi* [A chronicle of the life and work of Anna Akhmatova]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 768 p.
 19. Chernykh V. Ya. [About family ties of Zmunchill and Gorenko families]. In: *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik. Vip. 8* [Anna Akhmatova: Epoch, destiny, creativity: Akhmatov's Crimean scientific collection. Issue 8]. Simferopol, Crimean archive Publ., 2010, pp. 79–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хомяков Сергей Александрович – старший преподаватель подготовительного отделения Московского государственного медико-стоматологического университета имени А. И. Евдокимова;
e-mail: khomyakov.sergey@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Khomyakov – senior tutor at the Preparatory Department, A. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry;
e-mail: khomyakov.sergey@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хомяков С. А. Специфика художественного времени поэтического сборника «Вечер» А. А. Ахматовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 79–88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-79-88

FOR CITATION

Khomyakov S. A. The specificity of the artistic time of the poetry collection “evenings” A. Akhmatova. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 79–88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-79-88